

ПРОБЛЕМА НАУЧНОСТИ ФИЛОСОФИИ В СВЕТЕ ИДЕЙ КАНТА И СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ

А. Н. Троепольский
(Калининградский государственный университет)

В настоящее время проблема научности философии активно обсуждается философской общественностью страны в связи с публикацией статьи А. Л. Никифорова «Является ли философия наукой?»¹.

В ней автор приводит целую серию аргументов против возможности существования философии в форме научного знания. Однако эти аргументы, хотя и ясно сформулированы, все же, на наш взгляд, не обладают достаточной конкретностью для того, чтобы из них однозначно следовало опровержение тезиса о возможности существования философии как науки.

Л. А. Никифоров рассматривает критерий научности как в его сущностной форме, так и в его некоторых ипостасях. При этом весь пафос его статьи направлен на обоснование тезиса о несхожести философии с экспериментальными конкретными науками, однако в силу недостаточной конкретизации своих аргументов он, на наш взгляд, не достигает поставленной цели. Но допустим, что это ему удалось бы показать. Тогда и в этом случае все же тезис остается не доказанным, так как им вовсе не исследуется вопрос о невозможности существования философии, хотя и в формах качественного знания, однако, такого, в котором благодаря тщательному применению логико-методологического аппарата (инструментария) достигается такой уровень конкретности анализа, который практически обеспечивает интересубъективную и общезначимую истинность философских высказываний. Здесь уместно заметить, что косвенно Л. А. Никифоров свидетельствует сходство философии с математикой. Однако, видимо, математику он не считает наукой, как это можно понять из утверждения: «Забавно, но в философии, по-видимому, нет даже гипотез, поэтому если метод науки гипотетико-дедуктивный, то философия — подобно математике — пользуется скорее аксиоматическим методом»².

Итак, встает проблема: можно ли посредством тщательного применения логико-методологического аппарата обеспечить интересубъективную истинность высказываний философии?

На наш взгляд, при такой постановке проблемы важно различать традиционные и современные логические средства, т. е. традиционную формальную логику и современную формальную или символическую логику с ее возможностями локальной формализации рассуждений. Мы считаем, что даже при самом тщательном применении средств традиционной логики нельзя обеспечить интересубъективность и общезначимость выводного философского высказывания в силу узости класса рассуждений,

описываемых этой логикой, и отсутствия в ней точного формализованного логического языка, обеспечивающего однозначность выводов. В силу этого, например, вряд ли кто будет возражать против того, что историческая попытка изложения философского знания геометрическим методом, принадлежащая Б. Спинозе, не обеспечивает в должной мере интересубъективную истинность высказываний его этического учения и основ философии Декарта, также изложенной им геометрическим методом³.

Однако, на наш взгляд, в настоящее время в связи с существованием символической логики, обеспечивающей возможность локальной формализации знания, и достаточно развитой логики и методологии научного исследования ситуация меняется коренным образом как в вопросе точной дедукции в содержательных философских рассуждениях, так и в вопросе обеспечения интересубъективной и общезначимой истинности философских высказываний.

Тем самым, на наш взгляд, появляется возможность дать положительный ответ на вопрос о возможности организации философского знания в форме науки. Чтобы понять, как возможна философия как наука, предварим исследование данной проблемы некоторыми специальными логико-методологическими рассуждениями пропедевтического характера, которые обеспечат интересубъективность и общезначимость нашего исследования для всех тех читателей этой статьи, которые знакомы с современной символической логикой и логикой научного исследования. «Но,— скажет философ-читатель, незнакомый с современной логикой и методологией науки,— тем самым Вы утверждаете, что в философии недостижима интересубъективная истина». На это мы ответим, что точно так же и в других науках интересубъективность истины достигается лишь для тех читателей, которые знают и понимают концептуальный аппарат данной науки.

Так, например, для человека, который не обладает точными понятиями доказательства и опровержения, ни одна доказанная теорема из классической математики не является внутренне убедительной, и если он принимает ее в качестве интересубъективной истины, то это означает, что внутренне он признает существование субъекта познания, который более четко, чем он, представляет, что такое доказательство и опровержение, и знает, на каком шаге рассуждения тезис становится доказанным либо опровергнутым, и он верит этому субъекту. Аналогичным образом обстоит дело в экспериментальной науке. Если, например, субъект познания не обладает четкой интересубъективной схемой фальсификации знания в виде известной фигуры *modus tollens*, то это означает, что он не обладает точным критерием «смерти» идеи при ее столкновении с действительностью, и, следовательно, никакое столкновение идеи с действ-

вительностью не заставит этого человека отказаться от нее, если она ему дорога по каким-то смутным психологическим либо прагматическим соображениям. Следовательно, при отсутствии методологической культуры в обществе, и в первую очередь среди интеллигенции, общество обречено на трансляцию мифов от одного поколения к другому. Сказанное полностью относится и к философскому знанию, а сами философы, не владеющие современной логикой и методологией науки и отстаивающие мифы, уподобляются чеховской героине, жене коллежского асессора Щукиной, которая отстаивает свои эгоистические интересы, игнорируя правилами взаимоотношений между людьми, принятыми в цивилизованном обществе⁴.

Отсюда следует, что любая область знания может быть организована в форме научных и ненаучных рассуждений, независимо от того, рассуждаем ли мы о микро-, макро-, мегаобъектах или о мире, человеке и его месте в нем.

И в значительной, если не в решающей, мере Л. А. Никифоров прав в том, что философия, существующая ныне в виде философских текстов, не организована в форму научного знания. В этих текстах приписывание истинностных значений (истина, ложь) исходным философским высказываниям и процессы дедукции осуществляются на основе интуиции, «чувства дедукции» и психологических механизмов ассоциативных связей, а не на основе четко осознаваемых интеллектом методологических и логических схем. Поэтому и воздействие этих текстов на читателей чисто психологическое, эмоциональное, т. е. такая философия, назовем ее психологизированной, в отличие от *логизированной* или *научной философии*, воздействует преимущественно на эмоции и чувства ее потребителей. Эта философия действует на читателя (слушателя) магией слова, заклинания, эстетикой стиля изложения и оставляет в тени восприятия интеллекта действительные логические связи между мыслями. Между автором и потребителем психологизированной философии и между потребителями такой философии никогда не возникает однозначного понимания ее содержания. Такая философия как бы выполняет роль пускового механизма эмоционального возбуждения ее потребителей, создает у них определенные чувственно-эмоциональные настроения, стереотипы, символы веры вокруг основных ее интенций. В конечном счете психологизированная философия вызывает «эффект священного писания» у своих потребителей, а сам автор воспринимает ее, за исключением некоторых наиболее простых фрагментов, основанных на чувстве дедукции и корректной классификации, как некоторое спонтанно возникшее соединение мыслей. Ибо авторы психологизированных философских концепций в другое время и в другом месте способны впасть в обоснование прямо противоположных тезисов, и, если спросить у них, почему так, а не иначе легли их мысли на бумагу, они

не смогут вразумительно объяснить это ни вам, ни самим себе.

Ясно, что при таком способе философствования нельзя обеспечить интерсубъективность истинности (ложности) философских высказываний и кумулятивный способ развития философского знания.

Однако вряд ли прав Л. А. Никифоров в утверждении тезиса о том, что в философии в принципе недостижима интерсубъективная истина, то есть в утверждении тезиса о том, что философия невозможна как наука.

Напомним, что под истиной в самом общем смысле мы здесь понимаем соответствие того, что утверждается или отрицается в высказывании, положению дел в самой действительности.

Л. А. Никифоров считает, что в философии имеются повествовательные предложения, то есть высказывания, которые не истинны и не ложны. Встает вопрос: как это возможно с точки зрения чисто логической? Это возможно, когда мы имеем дело в теории с пропозициональными функциями, то есть с выражениями субъектно-предикатной структуры, и, следовательно, наминающими по форме высказывания, но не являющимися таковыми в силу того, что им нельзя однозначно приписать значение «истина» либо значение «ложь». Так, повествовательное предложение: «Сейчас на улице светло» явно эмпирическое, а не теоретическое и, следовательно, не философское, строго говоря, ни истинно, ни ложно. Оно — пропозициональная функция, так как в нем выражения «сейчас» и «на улице» выполняют роль индивидуальных переменных. Но с точки зрения методологической, пропозициональная функция — это недостаточно конкретное предложение, а истина, как известно, всегда конкретна. Следовательно, чтобы получить истинное либо ложное высказывание из пропозициональной функции, нужно более конкретно и жестко формулировать предложения. С точки зрения логической это можно сделать двумя путями: подставить конкретный объект из фиксированной области на место индивидуальной переменной либо квантифицировать ее.

В первом случае пропозициональная функция «Сейчас на улице светло» превратится, например, в истинное высказывание: «В 15.00 по московскому времени в Брянске светло», а во втором случае — в ложное высказывание: «Всегда и везде на улице светло». Следует отметить, что наивный субъект познания, то есть субъект познания, который не опирается в познавательном процессе на описанную логико-гносеологическую пропедевтику, рассматривает выражения типа: «Сейчас на улице светло» не как пропозициональную функцию, а как энтимемичное сингулярное высказывание: «В настоящее время в данном месте светло». И нетрудно представить себе ситуацию, когда два различных субъекта познания будут приписывать одному и тому же предложению различные истинностные значения. Так, в 15.00 по московскому времени наивный субъект

познания, находящийся в г. Брянске, оценит это предложение как истинное, а субъект познания, находящийся в Петропавловске-Камчатском,— как ложное. И вовсе не потому, что ими движут различные классовые либо психологические мотивы, а потому, что им просто не хватает критической рефлексии, позволяющей увидеть, что они, по существу, приписывают различные истинностные значения различным высказываниям⁵.

Другой аргумент противников точки зрения о возможности философии как науки заключается в утверждении тезиса о том, что высказывания философии носят оценочный характер и, следовательно, либо вообще не могут быть истинными или ложными, либо их истинностная оценка, если таковая допускается, не может быть интересубъективной.

Думается, что этот аргумент возник также в результате недоразумения. Возьмем, например, оценочное высказывание: «Иванов — хороший человек». Ясно, что для одного человека Иванов может быть хорошим, а для другого — плохим. Однако, если опять же помнить, что истина всегда конкретна, то нетрудно понять, что перед нами опять пропозициональная функция, которую можно превратить в высказывание либо посредством квантифицирования, либо посредством индивидуализации ее переменных. Тогда в полном соответствии с классическим пониманием истины в первом случае мы получим интересубъективное ложное высказывание: «Иванов — хороший человек для всех людей», во втором — интересубъективное истинное высказывание: «Иванов — хороший человек для Петрова», если предикатор «хороший человек» реализует представление Петрова о хорошем человеке.

После этого логико-гносеологического введения нетрудно понять, что в философских рассуждениях мы также часто имеем дело с пропозициональными функциями, которые в целях достижения интересубъективной истины следует переводить либо в общие, либо в единичные высказывания.

Но здесь мы встречаемся с решающим аргументом противников научной организации философского знания, который заключается в том, что в философии не существует интересубъективного способа соотнесения философского высказывания с действительностью, обеспечивающего его общезначимую истинностную оценку. В связи с этим не будет лишним следующее разъяснение: понятия «интерсубъективность» и «общезначимость» могут пониматься как синонимичные психологические понятия, однако в некоторых контекстах понятие «общезначимость» употребляется в чисто логическом смысле. В первом случае всякое интересубъективное истинное высказывание является общезначимо истинным, и, наоборот, во втором случае не всякое интересубъективно-истинное высказывание является общезначимым, а общезначимое интересубъективно-истинным.

«Философские утверждения непроверяемы, — пишет Л. А. Ни-

кифоров. — Нельзя сопоставить с фактами, эмпирическими данными ни одно философское высказывание с целью его подтверждения или опровержения. Это общеизвестная тривиальность»⁶. Рассмотрим, так ли это?

Нетрудно видеть, что при такой оценке философии она уподобляется математике, а относительно последней действительно стало общим местом утверждение о том, что высказывания математики нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть опытом и что роль опыта, эксперимента, выполняет в ней доказательство непротиворечивости рассуждений о математических сущностях.

Да, действительно, следует согласиться, что математика, а и любая теоретическая дисциплина и, следовательно, философия имеют интеллигибельную онтологию, которую непосредственно никогда нельзя наблюдать. В связи с этим ассоциативное мышление поднимает вопрос: нельзя ли интеллигибельную онтологию теоретических высказываний в некоторых случаях наблюдать опосредованно? Именно в свете данного предположения представляет большой интерес рассмотреть кантовский метод конструирования математических понятий и основанные на нем в математике интересующие субъективные и общезначимые синтетические суждения а priori. При таком подходе к кантовскому методу конструирования математических понятий и его экстраполяции на все теоретические понятия и высказывания можно заключить, что конструировать теоретическое понятие или суждение это значит:

1) дать ясное определение всех понятий, необходимых для общезначимого соотнесения конструируемого понятия или суждения с его онтологией;

2) с помощью наглядного символического изображения представить их онтологию в виде определенной графической схемы или диаграммы и тем самым перевести ее из умпостигаемого, интеллигибельного существования в существование эмпирически наблюдаемое;

3) соотнести то, что утверждается в конструктивном высказывании, положению дел в сконструированной онтологии, относящейся к этому высказыванию.

В связи со сходством онтологии философии с онтологией математики естественным образом возникает гипотеза о возможности синтетических суждений а priori в философии. Как известно, по Канту, наличие в философии синтетических суждений а priori обеспечивает ее научность. Поэтому, если это предположение подтвердится, то тем самым будет доказано, что философия может быть наукой, и будут опровергнуты все рассуждения антисциентистов на этот счет. Однако это предположение не может быть подтверждено простой ссылкой на тексты Канта.

Так, Кант считает, что «всякое математическое познание имеет ту особенность, что оно должно показать свое понятие

сначала в созерцании, и притом априорном, стало быть чистом, а не эмпирическом: без этого средства математика не может сделать ни одного шага; поэтому ее суждения всегда интуитивны, тогда как философия должна удовлетворяться дискурсивными суждениями из одних только понятий и может, конечно, пояснять свои аподиктические учения посредством созерцания, но никогда не может выводить их из него» (4(1), 96). Тем самым Кант утверждает, что в философии не возможны синтетические суждения а priori на основе конструирования философских понятий, а, видимо, возможны синтетические суждения а priori на какой-то иной основе.

Итак, мы стоим перед дилеммой: либо обосновать в философии возможность синтетических суждений а priori не на основе метода конструирования, либо более обстоятельно исследовать сущность и границы применения метода конструирования и тем самым возможность конструирования философских понятий и суждений. Поскольку первая альтернатива это «абсолютно белое пятно» в познании, рассмотрим более углубленно вторую альтернативу.

Ранее в статье «Существуют ли необходимые синтетические суждения?» мы показали, что метод круговых диаграмм Эйлера есть метод конструирования объемов понятий, независимо от их специфического, т. е. математического или какого-то иного, содержания, и описали последовательность операций, из которых складывается конструирование понятий и некоторых суждений с целью установления их интересубъективной истинности.

Опираясь на эти соображения, можно дать следующее обобщенное описание процедуры конструирования суждений на предмет установления их интересубъективной истинности. Конструировать суждения это значит:

1. Дать явное определение понятий, входящих в суждение.
2. Представить онтологию понятий, входящих в данное суждение, в виде графической наглядной схемы либо диаграммы и тем самым перевести ее из умопостигаемого, интеллигибельного существования в существование эмпирически наблюдаемое.
3. Явно определить условия истинности конструируемого суждения по отношению к сконструированной онтологии.
4. На основе сконструированной онтологической картины эмпирически констатировать (не) соответствие того, что утверждается в суждении, положению дел в этой картине.

Теперь нам остается показать, что синтетические суждения а priori на основе конструирования или НК-синтетические (необходимые конструктивные-синтетические в нашей терминологии) суждения возможны в философии.

С этой целью осуществим конструирование известного утверждения кантовской философии: (А) Человек одновременно принадлежит миру чувственному и миру умопостигаемому. Тем самым мы продемонстрируем интересубъективную истинность

данного суждения и покажем, что философия возможна как наука.

Строго говоря, вышеприведенное утверждение подразумевает следующую формулировку: «Все (живые) люди одновременно принадлежат чувственному миру и миру умопостигаемому».

Для обоснования интерсубъективной истинности этого суждения примем самый либеральный критерий существования, сформулированный Куайном: существовать — это значит быть значением квантифицированной переменной.

Далее на основе этого критерия введем следующие определения, синтезирующие, на наш взгляд, некоторые основы онтологической части научной философии.

Д1. Онтологизированная сущность $=_{df}$ индивид из области значения квантифицированных переменных.

Д2. Мир $=_{df}$ универсум онтологизированных сущностей.

Д3. Чувственный мир $=_{df}$ множество онтологизированных сущностей, фиксируемых органами чувств.

Д4. Мыслимый (умопостигаемый) мир $=_{df}$ множество непротиворечиво и противоречиво описанных онтологизированных сущностей, мыслимых интеллектом.

Д5. Умопостигаемый мир $=_{df}$ умодостигаемый мир, мыслимый в системе классической логики для непротиворечиво описанных сущностей и в системе паранепротиворечивой логики для противоречиво описанных сущностей.

Д6. [Живой] человек $=_{df}$ конечная сущность, мыслимая, мыслящая и воспринимаемая органами чувств.

Определения Д1—Д6 позволяют однозначно сконструировать онтологию понятий, входящих в конструируемое суждение, в виде следующей эмпирически наблюдаемой синтетической диаграммы:

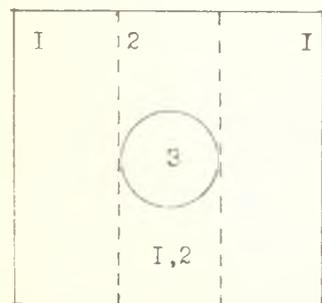
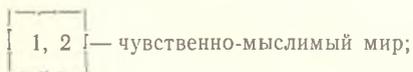
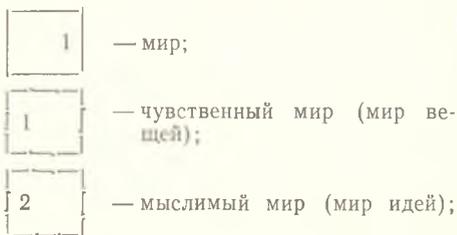

Рис. Эмпирически наблюдаемая синтетическая диаграмма:

⊙ — мир чувственных, мыслимых и мыслящих сущностей (мир людей)

Сформулируем теперь в явном виде условие истинности анализируемого высказывания (А) относительно сконструированной онтологии понятий, входящих в него.

Д7. Высказывание (А) истинно \equiv_{df} то, что утверждается в нем, соответствует положению дел в онтологической модели его понятий.

В итоге эмпирическим путем констатируем соответствие того, что утверждается в (А), положению дел в онтологической модели. Проведенный анализ дает нам основание утверждать, что в философии возможны интересубъективно-истинные синтетические высказывания. Обращаем внимание читателя на то обстоятельство, что (А) не является аналитическим высказыванием. Это важно потому, что хотя аналитически-истинные высказывания и являются интересубъективно-истинными, однако являются содержательно тривиальными. Действительно, на основе анализа содержания понятия «[живой] человек» и с учетом Д6 можно логически корректно развернуть лишь тривиальное по содержанию высказывание (А'): «Все [живые] люди есть конечные мыслимые и мыслящие сущности, воспринимаемые органами чувств», но не (А): «Все живые люди принадлежат одновременно чувственному миру и миру умопостигаемому». Последнее высказывание является не только интересубъективно-истинным, но и содержательно нетривиальным, т. е. теоретически более плодотворным, чем высказывание (А'). Тем самым мы показали, что философия возможна как содержательно плодотворная наука.

¹ См.: Никифоров Л. А. Является ли философия наукой?//Философские науки. 1989. № 4.

² Там же. С. 55.

³ Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1.

⁴ См.: Чехов А. П. Собр. соч.: В 12-ти т. М., 1962. Т. 5. С. 92—97.

⁵ Говоря о некоторых суждениях, мы имеем в виду то, что по меньшей мере не поддаются конструированию противоречивые понятия. Хотя, конечно, следовало бы изучить этот вопрос в полном объеме.

⁶ Никифоров Л. А. Указ. соч. С. 58.

⁷ См.: Троепольский А. Н. Существуют ли необходимые синтетические суждения?//Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта: Межвуз. сб./Калинингр. ун-т. Калининград, 1979. Вып. 4. С. 27—34.

РОЛЬ ИДЕАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ У ГИЛЬБЕРТА И КАНТА

Е. Д. Смирнова
(Московский государственный университет)

Мне представляется, что проблема идеальных образов, допускаемых типов абстракций и идеализаций является глобальной, ключевой проблемой, позволяющей анализировать теоретическое знание и мышление. В постановке И. Канта основной